

Umano Disumano т. II — Пролог Джо Монтеза

После «Umano Disumano» т. I я убедился, что необходим такой вот пролог, от первого лица единственного числа всеведущего вселенского. Да, это срочно! Я себя в этом убедил. Пишу левой рукой, потому что правая ещё болит. Ей крепко досталось. Травма настигла её, когда там, в козьем винограднике, празднуя, я соскользнул в скрытый овраг. При том глобальном потеплении, до которого я дошёл в этом злосчастном аду, среди истерзанных пылающих губ и танцующих бесполох существ в течке, совершенно необходимо, чтобы я отбыл к неисследованным вершинам ледников, ныне растаявших и почти несуществующих; вдавить сапог в грязную почву среди миллионов ископаемых миллионов лет и кипящих вод, наконец вновь потёкших нисходящим движением, даря бездне новые глубины. Пишу левой, потому что правая занята: она разгоняется по извилистым тропам монахов, что выныривают и так всплывают вокруг голой горы. А между одной вершиной и другой высоко натянут канат канатоходца, подвешенный, чтобы при надобности можно было очутиться там, на горе, и праздновать существование, соединёнными лишь одиночеством того, кто один. Добродетельный я, пишуший левой рукой, чтобы изменить почерк и запутать поток сознания, дабы, перечитывая себя, мне казалось, будто всё написано кем-то другим, — хотя в конце концов всё будет набрано, и читать станет нечего. Влево я заворачиваю и чувство вины, не позволяющее мне смеяться над собой и потешаться над тем отсталым, каков я есть и всегда был. Ведь только теперь я понял, что у японцев нет чувства юмора и что для игры нужно быть по меньшей мере вдвоём. Топологически надлежит помыслить, что у горы, имеющей вершину, есть и долина; или что есть хотя бы ещё одна, женщина; и что у женщины, кроме долины, есть по меньшей мере две вершины! И так далее и тому подобное... Чтобы одолеть это трагическое падение в болото ископаемых и грязи, надо научиться над ним смеяться — *riderci*. Я хотел написать *riderci*, но *ruderci*, «обращать в руины», пожалуй, годится не хуже. Надо делать себя, вернее — делать детей и позволить им играть вместе, дать им обжить растаявшие вершины и мочиться сверху на головы столь превосходным отсталым. С разочарованием и лёгкостью дети населят те места, где всё свято и где самый священный сохранившийся текст — практическое руководство под названием «как пукать, не обделавшись». Итак, встретимся там, на горе-ребёнке, чтобы высокопарно посмеяться над теми отсталыми, что толкают мотоцикл по прямой горизонтальной линии, заставляя колёса крутиться в обратную сторону. Оставшиеся позади — исступлённые прогрессисты, побеждённые инерцией, которые мчатся с фотонными скоростями по прямой, как ракето-снаряды, никогда не меняя траектории, разве что когда сгибаются, раздавленные тяжестью атмосферы, совершая

семь с половиной оборотов земного шара в секунду, чтобы всегда и навеки возвращаться в тот самый миг, в который они разогнались, чтобы сдвинуться оттуда. А потом я уверен, что рано или поздно отсталый спросит себя, толкание ли мотоцикла вызывает отсталость, или же он толкает мотоцикл потому, что отстал. Кто знает. К счастью, всегда есть чему поучиться и с кого взять пример. Легендарный мотоцикл Мотолезе, например, при внимательном взгляде отличается от прочих. Высокоразвитая футуристическая биомеханическая технология, запрещённая лицам старше 6 лет, с крохотным обтекателем по мерке лилипута и атомными кнопочками, как у StarTAC — того мобильного телефона, на котором невозможно решить, какой номер набрать. Я архиуверен, что это технология, произведённая в том месте, которое некоторые называют «Япония», где по иронии судьбы её употребили, чтобы научиться телефонным розыгрышам; и уверен также, что она восходит к постимпериалистической эпохе, по меньшей мере через тридцать лет после знаменитого харакири генерала Ноги, ко времени экономического бума, порождённого разрушением Феникса. Словом, эта технология парадоксальным образом приводится в движение нажатием одной-единственной кнопки. Нажми. Зак Зак Тумб Тумб. И вперёд. Заведясь с первого раза, она превращается в ракето-снаряд, что проносится между вершинами вверх, а потом немного снижается, покуда не ударяет в Монтечиторио. Рассказывают, что горы пониже приносятся в жертву дикой свирепости обезумевшей техники, тогда как человеческий разум сумеет укрыться на вершинах куда более высоких. Впрочем, этот мотоцикл — существо, лишённое духа инициативы, средство, как всякое другое, и свойства его зависят от того, как им пользуются. Так или иначе, тем временем я слегка высовываюсь — хотя бы посмотреть, сработал ли ракето-снаряд. Сработал. Монтечиторио теперь больше похоже на пантеон. Рецессия наступает среди лесов простёртых рук, трубок, рычагов, тормозов и сцеплений; но также благодаря бананам и ракето-снарядам на дворцах и церквях. Мир наконец вновь открылся феминистскому взгляду, так что я, думаю, говорю от имени всех, когда говорю, что и я немножко Джорджа. Да, вот так! Но какой прекрасный замок, Маркон Дирон Дирондэлло! Оттого-то я и ломаю голову, говорила дама с мишурой. Но принцип всегда один: если знаешь, что чего-то не можешь сделать, действуй, воздерживаясь от разговоров. Так что я убедился, что убеждена в желании создать феминистскую и эволюционную партию действия, которую мы хором назовём «fallo» — сделай это / фаллос. Мне надо всегда помнить, что нужно взять с собой банан; вернее, не сзади, лучше положу его в клатч, он удобнее и изящнее, ведь мало ли: если меня примут за японского дорожного пирата, я всегда смогу показать им ту или иную эволюцию, и уж тогда меня наверняка признают. Когда я говорю об эволюции и о жирафах, нервы у меня выступают наружу. Я тотчас становлюсь дарвинистом; вернее, дарвинианцем, потому что предпочитаю рассуждать

задницей. Стоит подумать, что жирафы развились со временем, — теряю самообладание. Похоже, вначале они были чем-то вроде случайной ублюдочной помеси лошака и черепахи, которые, не вдаваясь в подробности, спаривались, порождая редкий — ибо почти всегда бесплодный — вид короткошеего сомалийского жирафа. Существа почти мифологические, медлительные, ни на что толком не годные, даже на бульон. Их жестоко истязали колонисты, встречавшие их на пути после великого горизонтального перехода через Атлантику налево. Такие животные годились только под выюк, и потому колонисты тянули их за шею, заставляя тащить огромные грузы золота, алмазов, ладана, мирры, кукурузных початков и сахарного тростника прямо к пришвартованным большим кораблям, а потом оставляли их на берегу изнурёнными, ибо с шеей, вытянутой трудом, они не помещались в корабельный трюм, — а трюм, кстати, технология, безусловно придуманная на Востоке. И вот здесь, на вершине этой горы, покуда я мочусь, я в восторге созерцаю чудо сумеречного часа, когда все твари кажутся хлопочущими и в воздухе великое движение, и комары летают среди последних линий солнца, которые, отступая, сгущают полумрак, где летучие мыши чертят круги круговым движением на малой высоте, а дятел спешит нанести последние удары молотком, убыстряя барабанный ритм, и боевые кличи зелёных попугаев, мечущихся среди ракетно-снарядов, — меж тем как уже пора вновь улетать к новым горизонтам. Так вот, если ты всё ещё улыбаешься, сам не зная почему, — это и есть верный дух, с каким следует приступать к этому чудесному чтению. Ты готов перевернуть страницу.

Джо Монтез

(Междисциплинарный художник, художественный руководитель Atelier Montez, founder и с.е.о. ARTup srl)

Luca Motolese

motolese.com — Оригинал на итальянском